

Юрий
ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск

Доктор филологических наук Ю.И. Дюжев приступил к работе над первым томом «Истории русской поэзии Европейского Севера второй половины XX века», в котором освещаются события литературной жизни 1950–1970-х годов. Вниманию читателей предлагается раздел из рукописи будущей книги, посвященный творчеству Н.А. Рубцова (1936–1971). Публикация приурочена к 80-летию со дня рождения поэта, отмечаемому в 2016 году.

До сих пор загадка кажущегося совершенно неожиданным прорыва Николая Рубцова в 1960-е годы на вершины русской поэзии XX века волнует исследователей творчества поэта и почитателей его таланта. «Сейчас хочется поразмышлять о том, – писал Василий Белов, – как, по каким причинам детдомовский мальчик становился вдруг художником, выразителем народных чаяний, имеющим право создать такую строку: «Россия, Русь! Храни себя, храни...» Казалось бы, война отняла у юного Рубцова право на спокойное детство, на крышу над головой и на хотя бы малую толику родительской нежности. Каким-то чудом он сумел выстоять в борьбе с невзгодами, смог получить образование, раскрыть своё природное дарование и «выразить народную жизнь с вдохновенной силой».

Может быть, Рубцова на поэтическую высоту «вознесло само провидение»? Ведь «поэт заглянул в запредельное, за эти таинственные ворота и, поразившись видению, стал искать и нашел сочетание слов, которыми передал небывалость». Такая точка зрения для писателя из Вологды С.Багрова объяснима. Существует же обоснованное в монографии доктора философских наук Николая Теребихина «Сакральная география Русского Севера» (Архангельск, 1993) такое понятие, как «мистика Севера». По мнению ученого, оно «наиболее полно выражает русскость и особую вселенскость, стремление к целостному постижению мира. Русскому человеку неинтересны частности, клеточки мира. Он хочет понять его целиком. Он одновременно и реалист,

и мистик. Русская ментальность – это мистический реализм».

Термин «мистический реализм» ранее уже использовался А.Белым в работах о символизме и был осмыслен как феномен литературы. К числу ярких представителей мистического реализма Алла Злочевская в статье «Три лика мистического реализма XX в.» относила Г.Гессе, В.Набокова, М.Булгакова. Она объясняла появление такого яркого в эстетико-философском плане явления литературы в искусстве модернизма рубежа XIX – XX веков «оплодотворением» принципов классического реализма прививкой неоромантизма. Это дало, по её мнению, импульс к возрождению людей «художественного двоевластия», соединяющих материальный и трансцендентный уровни бытия. И далее следуют размышления А.Злочевской, которые имеют непосредственное отношение к лирическому герою поэзии Н.Рубцова: «Внутренняя логика мистического реализма предполагает особенного героя – личность, живущую не в реальной «жизни действительной», а на грани «двоемирия», на пороге инобытия и субъективно устремленной в «потусторонность». Всё существование их устремлено в бессмертие. Там – в вечности, в искусстве по ту сторону видимости, там их родина, туда устремляет их сердце. А единственный вожатый в земной жизни – «тоска по дому». Все они противостоят окружающему миру пошлости, усредненности, посредственности. Одиночество во враждебном мещанском окружении, а в конце эшафот – этот путь предудказан «яркой личности». Ибо им не пристало жить в мире, где правят здравый смысл, демократия и мещанская образованность».

В свете сказанного о «мистическом реализме» и его герое понятной становится позиция В.Кожина, который опровергал определение поэзии Николая Рубцова как «деревенской» и писал, что зрелым стихам поэта свойственна необычайная сложность поэтического мира: «Сложность эта особенно велика потому, что она залегает в самой глубине и воплощает в себе не изощренность поэтического мира, но внутреннюю сложность самого бытия (точнее, со-бытия) человека и мира». Поэтому лучшие стихи Н.Рубцова «выражают то, что невыразимо ни зримым образом, ни словом в его собственном значении». По мнению критика, «Николай Рубцов одерживает безусловную победу там, где его слово не изображает мир (и в то же время вовсе не уходит в субъективность души), а в самом деле живет им, преодолевая границу между миром и человеческой душой».

По сути, в этом высказывании речь идет о том, что лирический герой Н.Рубцова жил «на грани «двоемирия», на пороге инобытия», отсюда не-

возможность исследователей его поэзии «выразить то, что невыразимо ни зримым образом, ни словом в его собственном значении». Но ведь были какие-то причины и обстоятельства, которые со временем заставили поэта устремиться от реальной «жизни действительной» – в вечность, к искусству «по ту сторону видимости». «Среди малознакомых людей я привык называть себя «одиноким», – писал в конце 1968 года Н.Рубцов, и это одиночество с каждым годом всё более усиливалось, соединяясь странным образом с жадной бессмертия, с тоской о бескорыстном братолюбии и тщетой усилий обрести гармонию.

Попытки мемуаристов найти причину всех бед поэта в житейских неурядицах детства и юности, по причине которых и могли в стихах Н.Рубцова появиться сомнения в разумности устройства жизни и способности человека понять самого себя, не дают результата. Намного позднее в стихах Н.Рубцова возникла чисто метафизическая тоска от пустоты бытия, от печали по ушедшим поколениям и временам, от несовершенства природы человека, склонного к злу и разрушению (в том числе и себя как личности) в силу своего несовершенства. К тому же в рассказе о событиях личной жизни Н.Рубцова не любил расставлять все точки. По воспоминаниям В.Белова, «Н.Рубцов почти не рассказывал о своём детстве. Он стыдился сиротства, словно это была только его личная беда, а не беда всей страны. Виною всему была война».

Но родившемуся 3 января 1936 года в селе Емецке Холмогорского района Северного края (ныне – Архангельской области) Николаю Рубцову еще предстояло до начала войны прожить пять с половиной лет, а именно в этот промежуток времени ребенок учится оценивать свои поступки, проявлять чувство справедливости и сопереживания, делать успехи в контроле собственного поведения. При этом очень важна семейная атмосфера, а она у Рубцовых была обычной для тех лет. Отец, Михаил Андрианович, член партии, работал начальником отдела рабочего снабжения местного леспромхоза и достаточно зарабатывал, чтобы содержать жену и пятерых детей. В момент рождения сына ему было тридцать шесть лет. Со свойственной северянам добротой ему нравилось принимать гостей и весело проводить праздники. Судя по сохранившимся фотографиям, он любил носить русские косоворотки, но если требовалось, надевал костюм с белой рубашкой и галстуком. И хотя Н.Коняев в книге «Николай Рубцов» (М., 2001) пишет, что с довоенной фотографии Михаил Андрианович своим взглядом «пронзает насквозь» так, что «чувствуются

твердость и преданность генеральной линии партии», это выглядит попыткой политизировать события давних лет. Для маленького Коли Рубцова отец в довоенные годы был непререкаемым авторитетом.

«Всё, что было в детстве, я лучше помню, чем то, что было день назад», – писал Н.Рубцов в заметках «Коротко о себе». Село Емецк находилось на левом берегу живописной реки Емца, вело свою родословную с 1137 года. Двухэтажный дом, в котором Рубцовы занимали две комнаты, ещё был крепким и красивым, хотя не имел ни водопровода, ни отопления (в 2013 г. он был включен в число аварийных и подлежащих расселению жильцов. – Ю.Д.). Часто мать рано утром топила печку, от которых шло блаженное тепло. С той поры Н.Рубцов «очень полюбил топить печку по вечерам в темной комнате». Вероятно, в такие минуты поэт вспоминал раннее детство, когда русская печь объединяла многодетную семью своим теплом. Хорошо было маленькому Коле в этом селе, где он сделал первые шаги по северной земле, увидел красоту лесов и лугов, навсегда проникшую в его душу, полюбил речные просторы. Жило тогда в селе немногим более тысячи человек. Была и своя достопримечательность – Богоявленско-Покровская церковь. Построенная в XVIII веке, она в своё время имела четырехъярусную колокольню высотой почти 60 метров, которая была самым высоким сооружением Архангельской губернии. Но в 1930 году с церкви были сорваны шпиль, кресты, купола, разграблены иконостас и ризница, и к моменту рождения Н.Рубцова в ней поочередно располагались кинотеатр, общежитие, магазин, склады, а затем, вплоть до 2011 года – пекарня. Его мать и хотела бы, пусть втайне от отца, окрестить маленького Колю и тем самым духовно оградить его от бед и несчастий, но в округе не было к 1936 году ни одной действующей церкви и ни одного живого священника, готового провести такой обряд. Так и остался Н.Рубцов некрещеным до конца жизни, что, по поверьям, является далеко не благом для уроженца православной Руси.

В Емецке семья прожила полтора года. В 1937 году, после упразднения Северного края и образования Архангельской и Вологодской областей, возник дефицит руководящих кадров на местах, и Михаила Андриановича направили на работу в Няндому, вошедшую в Архангельскую область, а в 1939 году получившую статус города. Няндомка находилась на берегу одноименной реки в 347 километрах от Архангельска, так что климат для здоровья детей был более благоприятен. Город

прилегал к железнодорожной линии, соединявшей Архангельск с Вологодой. Градообразующим предприятием было крупное локомотивное депо. Город активно развивался, и для отца семейства это было повышением по службе, чем гордилась вся семья. Михаил Андрианович был назначен начальником отдела кадров райтрансторгпита Няндомского леспромхоза, но кому-то из его сослуживцев это не понравилось. В январе 1938 года на М.А.Рубцова поступило заявление (донос), он был арестован и по март 1939 года был заключенным в Архангельской тюрьме №1. На 18-м съезде ВКП (б) в марте 1939 года было принято постановление о прекращении чисток в партии. В результате обращения на имя съезда М.А.Рубцов был реабилитирован и восстановлен в партии. Это могло быть только в случае признания заявления как доноса. Поэтому подозрение Н. Коняева, что М.А.Рубцов «был арестован не за «политику», не как враг народа, а по уголовной статье, связанной с растратой»¹, не выглядит оправданным. Его можно объяснить только тем, что автор не мог знать, что в Государственном архиве Вологодской области хранится бланк члена КПСС, заполненный при обмене партийных документов в 1954 году, а также учетная карточка члена КПСС М.А.Рубцова. Сведения из этих документов были опубликованы газетой «Тотемские вести» (№166-167 от 30.12.2004 г., №4 от 18.01.2005 г.) и позднее появились в Интернете.

Арест и годичное отсутствие кормильца явились для семьи огромным испытанием, но они лишь подтвердили крепость семейных уз. После возвращения из тюрьмы в марте 1939 года М.А.Рубцов был назначен инструктором-ревизором Няндомского райпотребсоюза. Вышедшая с честью из испытаний семья Рубцовых обрела новых друзей. Зная Рубцовых с 1939 года жительница Няндомы Ирина Федорова вспоминала:

«Мне 10 лет. 1 сентября в наш 3-й класс Няндомской школы имени А.С.Пушкина пришла новенькая – темноволосая худенькая девочка Галя Рубцова. Семья Рубцовых приехала в Няндому из Емецка. Мать, Александра Михайловна, была домохозяйкой. Это были очень хорошие, гостеприимные, добрые люди. Семья состояла из пяти человек. Старшая дочь Надя пошла учиться в 9-й класс, маленькому Коленке было 3 годика. Семья Рубцовых поселилась в уютном домике на улице Советской, возле городского ресторана. Домик стоял под столетними березами. А потом Рубцовы переехали в дом, где в 1950–60-е годы располагался паспортный отдел милиции. С Галей я и моя двоюродная сестра Зина Федорова подружились

и всё свободное время проводили у Рубцовых. Иг-
рали с Колей, нянчились с ним, гуляли на улице.
Очень полюбили малыша. Это был темноволосый,
худенький мальчик, очень застенчивый».

Для Н.Рубцова сформировавшаяся к трем годам
застенчивость имела свои последствия. Когда он
повзрослел, она мешала ему в общении, в расши-
рении круга новых знакомых. Он не любил участво-
вать в многолюдных мероприятиях и получать удо-
вольствие от общения с его участниками. Застен-
чивость вела к одиночеству, депрессивному настр-
оению, постоянной тревожности. Чтобы скрыть
свое смущение, Н.Рубцов вдруг начинал вести се-
бя напористо, неадекватно оценивал агрессив-
ность своего поведения. В то же время застенчи-
вость позволяла Н.Рубцову сохранить свой внут-
ренний мир, индивидуальность и самобытность.
По наблюдению психологов, такие погруженные в
себя люди (застенчивостью отличались Н.В.Го-
голь, А.П.Чехов, М.Ю.Лермонтов) часто обладают
высокими творческими способностями. Поиск
своего пути в жизни толкает их на выражение
чувств и эмоций в стихах и прозе.

При благоприятных условиях жизни, вниматель-
ном отношении к нему отца и матери Н.Рубцов по-
степенно преодолел бы врожденную застенчивость,
но судьба уже распростерла свои черные крылья
над его близкими. 30 апреля 1940 года умерла
старшая сестра Надежда, которая начала работать
и помогать родителям в содержании и воспитании
младших детей. В январе 1941 года семья перееха-
ла в Вологду, где Михаил Андрианович стал рабо-
тать снабженцем в военторге и где Рубцовы встре-
тили известие о начале войны. В конце 1941 года в
семье родилась девочка, которую в честь умершей
сестры назвали Надеждой. В начале 1942 года Ми-
хаил Андрианович проходит военную подготовку и
летом того же года его забирают на фронт. В июне
1942 года умирает мать семейства Александра Ми-
хайловна. Старшую дочь, Галину, берет к себе сест-
ра отца Софья. Младших детей пристраивают в
детские дома Вологодской области.

Столь трагическая череда событий (смерть двух
сестер и матери, прощание с ушедшим воевать от-
цом, вынужденное сиротство и отправка в детский
дом) могли бы разрушить психику любого ребенка.
Чтобы спасти маленького человека, природа в та-
ких случаях упрятывает трагические переживания в
глубины подсознания, словно вычеркивая их из па-
мяти ребенка. Так и у Рубцова об этих событиях
1940–1942 годов остались лишь некие вспышки
эмоций, которые позднее он запечатлел в сти-
хотворении «Детство»:

*Откуда только – как из-под земли! –
Взялись в жилье и сумерки, и сырость...
Но вот однажды всё переменялось:
За мной пришли, куда-то повезли.
Я смутно помню позднюю реку.
Огни на ней, и скрип, и плеск парама,
И крик: «Скорей!» Потом раскаты грома,
И дождь... Потом... детдом на берегу.*

Вместе с младшим братом Борисом Николаем
оказывается в селе Красково, в дошкольном детс-
ком доме. Шестилетний малыш, внезапно ставший
сиротой, охвачен отчаянием. Его маленькая душа
терзается от одиночества, бесприютности и безза-
щитности. Но это только начало его печальной
судьбы и скитаний по Руси. После расформирова-
ния Красковского детского дома Николая разлуча-
ют с Борисом и отправляют 20 октября 1943 года в
Никольский детский дом под Тотьмой. Он еще не-
сколько лет ожидает хоть какой-то весточки от отца
и ждёт его появления на пороге комнаты, мысленно
представляя, как он будет счастлив в эту минуту.
Но постепенно эти ожидания угасают, и он начина-
ет привыкать к мысли, что отец погиб в боях. Он не
знает, что в 1944 году после двух лет участия в бо-
ях Михаил Андрианович был ранен, попал в госпи-
таль в Вологду. Нашел всех детей, кроме Коли. Его
документы были потеряны и не обнаружены в
Красковском детском доме. В 1944 году М.А.Руб-
цов женился, и в новой семье родились три сына.

По данным учетной карточки члена КПСС М.А.Руб-
цова, хранящейся в ГАВО, он был награжден ме-
далью «За победу над Германией в Великой Отече-
ственной войне 1944–45 гг.». С декабря 1951 года
работал в Вологде завтранспортом пивзавода. С
июля 1952 года заведовал пекарней отделения Се-
верной железной дороги. 18 марта 1953 года полу-
чил строгий партийный выговор за выпивку в рабо-
чее время. Был снят с должности и с мая 1953 года
работал плотником в 7-м отделении Северной же-
лезной дороги. 28 августа 1953 года ему вынесли
строгий выговор за пьянку и прогул в течение четы-
рех дней. Когда в конце февраля – начале марта
1955 года отец и сын встретились после 13-летней
разлуки, М.А.Рубцов не мог материально помочь
своему сыну, он сам нуждался в помощи. В ноябре
1959 года М.А.Рубцов был переведен с должности
плотника на пенсию (при наличии трех несовершен-
нолетних детей) и умер в Вологде 22 сентября 1962
года, когда Н.Рубцов учился в Литературном инсти-
туте. О судьбе отца Рубцов узнал не сразу, но он так
привык к мысли о его героической гибели на фронте,
что даже в 1957 году в стихотворении «Березы» пи-
сал: «На войне отца убила пуля».

Рано пришедшее осознание своего сиротства, потеря родителей стали для оказавшегося в детском доме впечатлительного и застенчивого мальчика настоящей трагедией, ведь потребность иметь семью, отца и мать – это одна из сильнейших потребностей ребенка. Вспоминая «хрупкого мальчика с бездонными черными глазами», бывший воспитатель Александра Ивановна Корюкина говорила, что «он был очень ласков и легкораним». Будучи Козерогом по гороскопу, мальчик был честен и справедлив, верен и надежен в дружбе. Он входил в состав совета пионерской организации; учился на «хорошо» и «отлично», писал для стенной газеты стихи, играл на устраиваемых детдомовцами концертах на гармошке. Хотя ростом он был меньше своих сверстников, пользовался уважением и был заводилой среди мальчишек. И в то же время, по признанию учившейся вместе с Н.Рубцовым с первого по седьмой класс Евгении Буняк, «был неровным по характеру: то тихим, задумчивым, скромным, то дерзким, колючим». В те годы немногие могли представить скрытые в этом мальчике глубины. При всей заинтересованности жизнью коллектива детдома он был слишком независим, чтобы открывать свои истинные чувства и переживания. Никто не догадывался о его первой любви к девочке Тоне Шевелёвой, пока однажды не застали их на чердаке, где, сидя на приготовленных для просушки вениках, они о чем-то тихо и мирно беседовали. Жизнь научила маленького Колю быть недоверчивым, скрытным, в любой ситуации сохранять чувство собственного достоинства и ставить перед собой высокую планку в жизненных планах. Когда в детском доме решили поставить спектакль о Пушкине-лицейсте, Н.Рубцов «попросил завить ему волосы, чтобы стать кучерявым» и тем самым хоть немного походить на юного поэта. Мальчик любил читать книги, в поисках которых он перерыл не только небольшую библиотеку детского дома, но и брал книги на квартире у А.И.Корюкиной в деревне Пузовка.

На живущих в детдоме юный Коля Рубцов производил впечатление земного, житейского человека. Часто его можно было видеть у детдомовской лошади, которую он гладил и кормил из рук травой и которую в двенадцать лет научился запрягать и ездить на ней верхом на водопой. Вместе со всеми ухаживал за содержащимися в детдоме коровами, свиньями, пчелами, осенью собирал урожай с полей, который был важной прибавкой в питании осиротевших ребят. Но он не был так прост, как казалось окружающим. «Старался быть первым во всём», – вспоминала учительница грамматики Александра Меньшикова. Им с детства двигало стремление к успеху, жела-

ние выйти победителем над многочисленными проблемами, которые ставила перед сиротой жизнь. С третьего класса он стал писать стихи, что сразу выделило его из толпы ровесников. Самостоятельно научился играть на гармонии и стал незаменим на вечеринках старшеклассников. Лучше других освоил навыки рисования, обладал врожденным чувством вкуса при оценке цветовой палитры даримых букетов. Именно его учительница просила декламировать перед классом заданные на дом стихи Пушкина. Ему часто мешало дурное настроение, но в детском доме он ещё обладал способностью дисциплинировать себя.

Можно с большой долей уверенности сказать, что к моменту окончания седьмого (выпускного для сельской школы) класса Н.Рубцов уже знал, что его отец жив и что он по каким-то соображениям не может принять его. Это известие могли передать юному Коле и жившие в Вологде родственники, и представители дирекции детского дома, которым надо было куда-то определить подростка и которые через военкомат могли легко найти координаты М.А.Рубцова и предложить каким-то образом решить судьбу его сына. Но ответа они не дождались. Сам же Коля Рубцов уже в четырнадцать лет был слишком горд и независим, чтобы в этой ситуации пойти на контакт с отцом и простить такое к себе отношение. Между тем оставаться в детском доме – по возрасту – уже было нельзя. Николаю предлагали пойти учиться в Тотемский лесотехнический техникум, где было общежитие и куда обычно направляли большинство выпускников детского дома. Но это его не устраивало. Одной из любимых книг Николая был приключенческий роман Р.Стивенсона «Остров сокровищ», и под влиянием «пиратской» экзотики он решил поступать в Рижское мореходное училище. В детском доме даже не попытались связаться с Ригой и узнать условия поступления, настолько были уверены, что лучшего ученика школы с аттестатом наполовину из отличных оценок, да ещё сироту, туда обязательно примут.

«Мечты, мечты... А в жизни всё иначе», – писал позднее Н.Рубцов в стихотворении «Не подберу сейчас такого слова». Когда летом 1950 года он с самодельным чемоданом, который вместо замка закрывался гвоздиком и в котором лежали двенадцать вышитых девчонками детдома носовых платков, явился в приемную комиссию, то получил отказ даже рассматривать его документы по причине возраста (в училище принимали с пятнадцати лет). Возвращаться домой ни с чем было стыдно и горько. Он сделал попытку устроиться на какое-нибудь судно, лишь бы не увидеть глаз разочаровавшихся в нём сверстников:

*Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Всё просился на судно.
Умолял, караулил...
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем.*

Ему ничего не оставалось, как по возвращении на Север подчиниться судьбе и поступить в нежеланный ему Тотемский лесотехнический техникум. Но когда, сдав документы в приёмную комиссию, он пошел знакомиться с городом, открывшееся перед ним красочное зрелище стоявших на холмах вдоль реки Сухоны похожих на белые парусники соборов не могло не поразить душу юноши. Он с тайным восхищением вглядывался в витиеватые украшения церковных фасадов из фигурного кирпича – картуши, любовался сооруженными в XVIII веке церковью Входа Господня в Иерусалим и церковью Рождества Христова, церковью Иоанна Предтечи и церковью Троицы Живоначальной, Воскресенским и Преображенским соборами. Вопреки времени, они сохраняли былую стройность и архитектурное изящество, хотя следы запустения были видны всюду. Это была лишь малая часть из тех 2245 церквей, монастырей и других очагов религиозного культа, которые действовали в Вологодской губернии в 1900 году, когда на каждые сто жителей приходился один представитель духовенства. После революции многие священнослужители были расстреляны или погибли в ГУЛАГе, а церкви закрыты. Но вопреки всему земляки Н.Рубцова из поколения в поколение продолжали «воспринимать Россию сердцем, видеть любовью её драгоценную самобытность и её во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть дар божий»².

Позднее Н.Рубцов напишет в стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»:

*И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, –
Не жаль мне, не жаль мне
 растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне
 разрушенных белых церквей!..*

Да и сам техникум располагался в Спасо-Суморинском монастыре, основанном в 1554 году преподобным Феодосием Тотемским, пришедшим сюда из вологодского Спасо-Прилуцкого монасты-

ря. Жили студенты техникума и сидели на занятиях под кирпичными сводами в бывших монашеских кельях (в 2014 году в Спасо-Суморинский монастырь назначили настоятеля, и монастырь получил статус архиерейского подворья, там началась монашеская жизнь. – Ю.Д.). Токи старины буквально пронизывали впечатлительного подростка, и это ощущение причастности к российской истории, к пластам духовной энергии предков, к вечности навсегда пронзило душу Н.Рубцова и запечатлелось в стихотворении «Видения на холме».

На территории Спасо-Суморинского монастыря был похоронен уроженец Тотьмы Иван Кусков, основавший в XVIII веке знаменитый форт Росс в Калифорнии. Среди жителей Тотьмы ходили легенды о храбрости этого человека и других местных мореплавателей, которые с 1740-х годов с товарами добивались до берегов Северной Америки на своих судах. В память об этом на гербе Тотьмы была изображена черная лиса, в большом количестве добывавшаяся тогда тотмичами на русской Аляске. Всё это не могло не будоражить воображение юноши, который в силу своего характера не мог смириться с прозвучавшим в Риге «запретом» на морскую профессию. В душе его жила мечта о вольном океанском просторе, и хотя он успешно сдавал очередные экзамены в техникуме, будущая профессия не радовала его. Из рассказов выпускников он знал, что их до армии отправляли работать в самые дальние леспромхозы, где на полянке доверяли либо вместе с сучкорубами сжигать ветки в кострах, либо поручали вести учет заготовленных кубометров древесины. Николаю с его врожденной любовью к природе, когда обычный шум падающих листьев с березы мог вызвать сильное душевное волнение, как об этом пишет он в стихотворении «Берёзы» («Слушаю – и набегают слёзы / на глаза, отвыкшие от слёз»), было совершенно невозможным участвовать в уничтожении русского леса. Получив в шестнадцать лет паспорт, он уезжает в Архангельск с надеждой устроиться матросом на корабль. По свидетельству очевидцев, он оставляет в общежитии «затрёпанную тетрадку со своими стихами»³, от которых он не ждал большего от жизни. В написанном в техникуме сочинении «Образ Катерины в драме Островского «Гроза» Николай невольно сравнил себя с жертвой «тёмного царства». Он писал, что такой личности, как Катерина, «поэтически настроенной, религиозно мечтательной, сохраняющей пылкость чувств и воображения», нет места в этом мире, где жестокие удары судьбы быстро разрушают представления о жизни как об источнике счастья и радости: «Жизнь – это суровая проза, вечная борьба, в результате которой именно и должен человек

добыть себе счастье, если у него для этого достаточно духа и воли».

Характер у подростка был сильный, но для работы на Крайнем Севере в условиях большой влажности и холода требовались ещё выносливость и крепкое здоровье. Однако война так выкосила мужское население Севера, что худенького подростка, от которого после жизни при карточной системе остались, как говорят в народе, «одни кости да кожа», все-таки взяли помощником кочегара («угольщиком») на рыболовецкий траулер. В течение десяти месяцев, с сентября 1952 года по июль 1953 года, Николай смог узнать на своей шкуре, что «жизнь – это суровая проза, вечная борьба».

Когда же траулер причаливал к пирсу, то получивших деньги матросов встречала на берегу «избушка под названием пивная»:

*Я сел за стол –
И грянули стаканы!
И в поздний час
Над матушкой Двиной
На четвереньках,
Словно тараканы,
Мы расползлись
Тихонько из пивной...*

Вспоминая об этом случае, Н.Рубцов признается, что тогда, в свои шестнадцать лет, он «первый раз вошел сюда, безгрешный» и после застолья:

*Очнулся я,
Как после преступления,
С такой тревогой,
Будто бы вчера
Кидал в кого-то
Кружки и поленья
И мне в тюрьму
Готовиться пора.*

Такого же рода «экзамены» на выживаемость приходилось сдавать и другим выпускникам детских домов. В 1950-е годы в нашей стране было 6943 детских дома, где жили 935, 9 тысячи человек. Причиной сиротства были последствия голода, охватившего в 1946 году ряд регионов страны; отмена права матерям-одиночкам, начиная с 1944 года, требовать алименты с мужчин, являвшихся отцами их детей; наконец, разрушение крестьянского общинного быта, когда, начиная с Древней Руси, в деревнях существовали различные формы призрения сирот: «кормление по двору», назначение общественных родителей и т.д.

Именно в 1950-е годы впервые возник термин «социальное сиротство», когда сиротами считались воспитанники детских домов, у которых были живы один или два родителя. Отпущенные на «вольную» жизнь воспитанники детских домов с трудом адаптировались к жизни. Что говорить, если даже в 2010 году доля выпускников, покинувших детские дома или интернаты, которым удалось наладить нормальную жизнь, составляла 20 процентов. По тем же данным, 40 процентов становились алкоголиками и наркоманами, ещё сорок процентов совершали преступления. Часть ребят сами становились жертвами криминала, а десять процентов кончали жизнь самоубийством.

Не смог приспособиться к «взрослой» жизни на рыболовецком траулере и Н.Рубцов. В самый разгар навигации, в июле 1953 года, он уволился и поехал в Кировск Мурманской области, где год проучился в горно-химическом техникуме на маркшейдерском отделении. Однако чем глубже он вникал в секреты своей будущей профессии, тем сильнее понимал, что вести учет выемки полезных ископаемых из недр и выполнять геодезические работы – это не для него. Он оставил учебу в техникуме и оставшийся до армии год жизни посвятил поиску ответа на вечный для русского человека вопрос – «кому на Руси жить хорошо?». Его бесконечные метания по стране начались с кратковременного посещения Тотьмы, где он повстречался с Т. Решетовой и, поссорившись с ней, ринулся в Ташкент – «город хлебный», что было важно в канун предстоящей зимы и полного безденежья. С собой он взял гармошку, и добрые попутчики кормили и поили его за исполняемые во время дальней дороги весёлые песни.

Увиденный Н.Рубцовым Ташкент оказался в основном одноэтажным городом. В попытке найти себе какое-то жильё северянин бродил по коммунальным дворам с одной колонкой, из которой вода вытекала в арык, и общей выгребной ямой в глубине двора, а вдоль него одна к другой были прилеплены хибары и каморки. Во дворах росли деревья – урючины, сбор урожая с которых жители двора начинали сообщать и затем тут же во дворе варили варенье. Было жарко и душно. Иногда навстречу попадались верблюды с погонщиками. Вода в арыке была мутной и неприятно пахла. Всё кругом для Николая было странным и чужим. Найти заработок здесь оказалось намного труднее, чем на Севере. Позднее он вспоминал:

*Жизнь меня по северу носила
И по рынкам знойного Чор-су.*

Судя по всему, именно на старинном ташкентском базаре, известном как Чорсу (Чорсу – четыре дороги либо четыре потока), расположенном в старом городе на пересечении четырех улиц, только и смог найти себе заработок Н.Рубцов. На рынке рядом с продуктовыми рядами располагались торговцы ремесленными поделками, работали бани, чайханы, шумел вещевой рынок, где всегда было многолюдно.

Но что-то неуловимо изменилось после смерти Сталина и в настроениях местных жителей по отношению к приезжим. Когда-то в годы войны в Узбекистане нашли приют 200 тысяч эвакуированных детей и подростков. Практически в каждом населенном пункте появился свой детский дом, обеспечение которого продуктами закреплялось за одним из местных колхозов. Узбеки жертвовали для детдомовцев деньги, одежду, муку. Многие усыновляли сирот, а одна семья стала знаменитой тем, что усыновила сразу одиннадцать ребятишек. Но прошло десятилетие, детские дома стали в массовом порядке закрываться, и многие выпускники оказались не у дел. Резко уменьшилось число желающих их усыновить. В итоге в Ташкенте возросло число малолетних бродяг, сбивавшихся в стаи и добывавших себе пропитание незаконными способами. Всё усугубилось амнистией 1953 года, по которой освобождались все лица, осужденные на срок до пяти лет. Многие из них тоже устремились в «Ташкент – город хлебный», так что осенью 1954 года Н.Рубцов после напрасных поисков работы и жилья оказался на рынке Чорсу на самом дне жизни, в страшноватой для него среде беспризорников и бывших экзков. Написанное в январе 1955 года стихотворение «Уж сколько лет слоняюсь по планете...» дает зримое представление о той степени отчаяния, которое охватывало юношу на чужбине:

*Уж сколько лет слоняюсь по планете!
И до сих пор пристанища мне нет...
Есть в мире этом страшные приметы,
Но нет такой печальнее примет!
Вокруг меня ничто неразлично,
И путь укрыт от взора моего,
Иду, бреду туманами седыми;
Не знаю сам, куда и для чего?*

Как напоминание об испытанном и пережитом юношей в те годы выглядит изображенная его другом Валентином Сафоновым сценка из повести «Николай Рубцов». Речь в ней идет о встрече В.Сафонова, Ю.Кушака и Н.Рубцова мурманским вечером с хмельной ватагой, «особей этак шесть или

семь. Матерятся, кулаками стучат. Запахло мордобоем. Мы с Юркой опустили ведра, готовые защищаться, а Коля проворно нагнулся и схватил с земли ребристый булыжник.

– Не подходи! – выкрикнул с искаженным лицом.

Ватага покружилась вокруг нас и, матерясь, уступила дорогу.

– Колька, – сказал я Рубцову, – ты же противник всякого насилия, а тут... за камень сразу.

Он внимательно посмотрел на меня: не смеюсь ли я? И очень серьезно ответил:

– Я же детдомовский. Меня часто били. Может, вовсе убили б, да вот... приходилось иногда.

...Впервые увидел я Рубцова, готового переступить черту...»

Со своего сиротского детства Н.Рубцов нес в себе скрытую внутреннюю боль, которая жила в нём и губила его при открытом столкновении с реальностью. Тягостные испытания, выпавшие на долю Н.Рубцова в Чорсу, предельно обострили его чувства. Он оказался в загадочном и безжалостном мире, стал свидетелем невыносимых порой страданий тех, кто попал на Востоке на самое «дно» жизни. В процитированном выше стихотворении «Уж сколько лет слоняюсь по планете!» он спрашивает себя, неужели стоило «пройти сквозь бури, грозы, чтоб назваться / среди других глупцом и ... умереть?». В Ташкенте в 1954 году Н.Рубцов пишет стихотворение «Да, я умру!», в котором рисует охватившее его душу видение своих похорон вдали от родины:

*А на что мне хороший гроб-то?
Зарывайте меня хоть как!
Жалкий след мой
Будет затоптан
Башмаками других бродяг.*

Процитировав пять четверостиший этого обычно замалчивавшегося исследователями поэзии Рубцова стихотворения, Н.Коняев делает вывод, что «впервые в этом стихотворении обращается Рубцов к теме смерти, ставшей в дальнейшем одной из главных в его творчестве». Между тем сам Н.Рубцов писал о своей поэзии: «Особенно люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удали», где жизнь и смерть соединены воедино, а главным объектом для поэта становится Родина, Россия как некая философско-мистическая и метафизическая реалья. О таком понимании философского подтекста русской поэзии говорил писатель и философ Ю.В. Мамлеев в интервью редакции журнала «Вопросы философии» в 1992 году: «Русскую философию я больше чувствую через литературу, напри-

мер через поэзию Блока, Белого, Тютчева, Есенина». Можно полагать, что к своим 18 годам такой любитель чтения, как Н.Рубцов, уже познакомился с творчеством этой четверки русских поэтов. Кумирами среди них, как он признавался впоследствии, стали С.Есенин и Ф.Тютчев. Первый из них поразил Н.Рубцова «открывающейся в слове и образе доселе скрытой внутренней силой русской мистики», второй – истинно метафизической тоской от неопределенности места и роли человека в мироустройстве, от тщеты усилий обрести гармонию, от ужаса перед хаосом первозданной темной стихии, наедине с которой человек остается ночью:

*О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, –
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов⁴.*

В юности на Н.Рубцова огромное впечатление произвела поэзия С.Есенина. Порой молодому северянину казалось, что это к нему обращается С.Есенин в стихотворении «Русь бесприютная»: ⁴

*Я тоже рос,
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.
Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.*

Одним из немногих «несчастливых и худых» сирот и послевоенных беспризорников, кто сумел встать на ноги, найти достойное место в стране Поэзии, оказался Н.Рубцов. Но для этого ему надо было понять в Чорсу глубоко и навсегда, что «самое страшное для человека – это потерять Родину⁵».

Уже в марте 1955 года Н.Рубцов оказывается в Вологде и встречается с отцом и жившим в тот момент в его доме братом Альбертом. Отец отказывается прописать Николая у себя, ссылаясь на бедность, слабое здоровье и троих детей от второго брака. Н.Рубцов выслушивает отца спокойно, без обиды. Позднее в «Философских стихах» он нарисует портрет человека, когда-то жившего «в лучах довольства полного и славы», на поводу «страстей своей души» и боявшегося разве что «буйного похмелья». Но вот пришла к нему старость:

*Он слёзы льёт, он требует участия,
Но поздно понял, важный человек,
Что создал в жизни
ложный облик счастья!*

Юноша не хочет повторять ошибки отца, в конце жизни ставшего алкоголиком и неудачником, и дает обещание:

*Что я не буду с девушками грубым
И пьянствовать не стану, как отец.*

Н.Рубцов уезжает в посёлок Приютино (ныне в составе города Всеволожска Ленинградской области), устраивается слесарем-сборщиком на испытательный артиллерийский полигон, а осенью 1955 года получает повестку из военкомата и отправляется служить дальномержником на один из эсминцев Северного флота. Служба не тяготит Н.Рубцова. Он быстро осваивает свою профессию, обретает на корабле друзей. Регулярное питание и строгий распорядок дня укрепляют его здоровье. На фотографиях тех лет он выглядит человеком здоровым и энергичным. Оптимизмом веет от стихотворения «Мое море», опубликованного в газете «Комсомолец Заполярья» 20 ноября 1957 года:

*Я труду научился на флоте,
И теперь на любом берегу
Без большого размаха в работе
Я, наверное, жить не смогу...*

Н.Рубцова принимают в члены флотского литературного объединения при газете «На страже Заполярья». В 21 год Н.Рубцов впервые оказался среди пишущей братии, но не растерялся, быстро усвоил законы творческого общения. «В те годы флотской нашей юности Рубцов был очень общительным человеком, – вспоминал Валентин Сафонов. – С отчаянной смелостью врубался в любой разговор о литературе, тем паче о поэзии. Если сам читал стихи или вслух размышлял о чьих-то, тут Колю слушать не переслушать». После того как стихи Н.Рубцова начали печататься в мурманских газетах и сборниках, он стал всё чаще задумываться о возможности после демобилизации соединить свою судьбу с литературой. В.Сафонов передал Н.Рубцову присланный родными двухтомник стихов С.Есенина и по радостной реакции друга понял, что к Есенину у Рубцова «отношение особенное». «Невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина, – писал 2 февраля 1959 года

Н.Рубцов В.Сафонову. – О нём всегда я думаю больше, чем о ком-либо. И всегда поражаюсь необыкновенной силе его стихов. Многие поэты, когда берут не фальшивые ноты, способны вызывать резонанс соответствующей душевной струны у человека. А он, Сергей Есенин, вызывает звучание целого оркестра чувств, музыка которого, очевидно, может сопровождать человека в течение всей жизни. Во мне полнокровную жизнью живут очень многие его стихи».

Если использовать сравнение поэзии С.Есенина со звучанием «оркестра чувств», то приходится сказать, что в опубликованных Н.Рубцовым во время флотской службы стихах звуки духового оркестра заметно подавляют лирическое звучание скрипок. К ранним стихам Н.Рубцова мурманский писатель В.Сорокажердьев советует относиться «именно как к начальному пути стихотворца, как к ученическому периоду творчества».

Лирический герой пяти стихотворений Н.Рубцова («Пой, товарищ...», «Матери», «Май пришел», «Отпускное», «Северная береза») из коллективного сборника поэтов Северного флота «На страже Родины любимой» (1958) «с законной гордостью во взоре» вспоминает «схватки с морем штормовым». Он гордится, «что в краю, не знающем печали, / где плывут поля во все концы, / нам охрану счастья доверяли / наши сестры, матери, отцы». Такого рода стихотворения мало чем отличались от других, сочиненных менее даровитыми авторами на «морскую» тему.

Н.Рубцов рано понял, что и в каком духе надо писать «для газеты». В письме В.Елесину от 24 октября 1965 года он, предлагая к публикации одно из своих стихотворений, цитировал строку «Склоню ли голову, слагая о жизни грустные стихи» и писал далее: «Если вашу газету не устроит слово «грустные», можно заменить его другим. Это сделать легко, хотя никакое другое слово, никакой другой эпитет здесь не будет точнее и лучше. Ещё в этом же стихотворении есть строчки: «Нет, не найдет успокоенья мой беспокойный бодрый дух!» Это вариант для газеты. Но, может быть, газета примет и другой вариант этих строчек: «Нет, не найдет успокоенья во мне живущий адский дух!»

О том, что Н.Рубцов с иронией относился к «бодрому духу» предназначенных для газетных публикаций произведений, свидетельствует стихотворение «Сказка-сказочка» (1960). Сюжет его строится на фантастической истории встречи поэта с «каким-то бесом», который вначале перебил в комнатшке все стоявшие на полу пустые бутылки, потом взлетел на полку книг:

*Уткнулся бес в какой-то бред
И вдруг завыл: – О, божья мать!
Я вижу лишь лицо газет,
А лиц поэтов не видать...*

В письме Александру Яшину от 22 августа 1964 года, касаясь «удивительно неуклюжих, пустяковых «современных» стихов, Н.Рубцов писал: «Уж сколько раз твердили миру, что мы молотобойцы, градостроители и т.п., всё твердят, твердят! А где лиризм, естественность, звучность? Иначе, где поэзия?»

С первых своих шагов в литературе Н.Рубцов мечтал иметь своё «лицо поэта». Датированное 1950 годом и написанное в селе Никольском Вологодской области стихотворение «Два пути» дает понять, что будущему поэту всегда хотелось свернуть с многолюдного тракта в сторону от толпы:

*А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечёт меня туда.*

По-видимому, уже с детства Н.Рубцов стал ощущать себя «белой вороной», не таким, как все, более зорко и пронизательно понимавшим жизнь. При этом он постоянно встречался с отчуждением и непониманием окружающих. Впоследствии в воспоминаниях многие его современники говорили о некоторой странности поэта, мысли и поведение которого разительно отличались от окружающих. «Это был человек необычного склада, со своим особенным внутренним миром, – вспоминал учившийся вместе с Н.Рубцовым в Литературном институте Б.Шишаев. – В нем чувствовалась какая-то необыкновенная добрая глубина... Меня всегда преследовала мысль, что приехал Рубцов откуда-то из неуютных мест своего одиночества... Он казался бесконечно далеким от стремлений людей, находившихся рядом. Даже его скромная одежда, шарф, перекинутый через плечо, как бы подчеркивали это».

Написанное Н.Рубцовым задолго до пришедшей к нему известности стихотворение «Деревенские ночи» (1953) удивляет своей избирательной силой и неистовым желанием хотя бы на мгновение уйти из мира людей туда, «где ранних звезд мерцание, ржание стреноженных молодых коней». Но лирическому герою мало раствориться в мире природы. Простое созерцание не даст ему «успокоенья», не освобождает от поселившегося в нём «адского духа»:

*К табуну
с уздечкою
выбегу из мрака я.
Самого горячего
выберу коня.*

И вот уже «по травам скошенным» мчится лирический герой, да так, что «ромашки встречные» сторонятся конских копыт, а «вздогнувшие ивы брызгают росой». В этом раннем стихотворении, написанном 17-летним юношей, уже чувствуется огромный запас поэтической энергии, рождающейся на столкновении двух противоположных начал: стремления к одиночеству в тиши лесов и полей – и сжигающего душу желания к настоящей жизни, наполненной в заветных мечтах юноши жадными, мучительными, страстными исканиями, которые рождены, как Н.Рубцов писал в процитированном выше письме В.Елесину, «во мне живущим адским духом».

Между тем мир, окружавший Н.Рубцова с самого рождения, постоянно ставил запреты и ограничения, укрощал его, принуждал смириться, признать превосходство других, более сильных, напоминал, что жизнь – это прежде всего обязанности, зависимость, гнёт дисциплины. Казалось бы, в поэзии Н.Рубцов мог освободиться от бремени власти, от всех помех и ограничений, но и это выглядело во время службы во флоте иллюзией. Однажды, будучи в гостях у Н.Рубцова, С.Багров среди его хранившихся в чемодане бумаг разглядел угол какой-то морской газеты. «Взял её и только успел развернуть и прочесть «Стихи Николая Рубцова», как услышал:

– Не тронь! Это худые стихи. Я писал их во время службы на корабле. До сих пор не пойму, почему я их сохранил?

Николай схватил у меня газету, с удовольствием смял и, открыв дверцу печки-голландки, бросил туда, а потом зажег спичку и подпалил».

Спасением для матроса Н.Рубцова от сочинения стихов с «бодрым духом» было чувство юмора. Даже изнуряющую «шагистику» он умудрялся воспроизвести в «шутке» «На плацу» с озорной удалью:

*Я марширую на плацу.
А снег стекает по лицу!
Я так хочу иметь успех!
Я марширую лучше всех!
Довольны мною все кругом!
Довольны мичман и старпом!
И даже – видно по глазам –
Главнокомандующий сам!*

Вошедшее в сборник «Звезда полей» стихотворение «Элегия», датированное 1961 годом В.Кожинным, составителем вышедшей в «Библиотеке советской поэзии» книги «Николай Рубцов. Стихи» (1986), на самом деле тоже было написано в годы матросской службы. Как вспоминал В.Сафонов, «был у нас добрый обычай: каждое занятие литобъединения завершать чтением юмористических стихов, пародий и эпиграмм друг на друга. Вот в такой обстановке и прочел Рубцов стихи, которым в будущем суждено будет стать «Элегией»... После – надолго – первые строки этого стихотворения стали для литобъединения своеобразным паролем».

*Стукнул по карману – не звенит.
Стукнул по другому – не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.*

Как вспоминал В.Сафонов, в первом варианте две последних строки читались автором иначе: «В коммунизм – безоблачный зенит улетают мысли отдыхать». И не было в стихах ни слова о Ялте («Если только буду знаменит, / то поеду в Ялту отдыхать»), а последняя строфа целиком повторяла первую, только глагол «полетели» стоял в настоящем времени. Начатое как шутка, стихотворение продолжилось наполненными печалью строками:

*Но очнись и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.
Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг –
Жизненный отсчитывает срок.*

Четыре года, отданные флоту в самый активный для любого поэта возраст, безусловно, замедлили творческое развитие Н.Рубцова. Он пока не нашел себя ни в стихах о матросской жизни, где главное – «верить с самого начала, / что из тебя получится моряк!» («Первый поход», 1959), ни в любовной лирике, которой он тоже отдал немало времени и сил, поскольку по природе своей, как и отец, любил женщин и ожидал от них ответных чувств. Стоило красивой медицинской сестре в белом халатике зайти к Н.Рубцову в больничную палату госпиталя, где он был прооперирован во время службы, и с профессиональной нежностью в голосе выразить сочувствие, как тут же рождалось стихотворение «Сестра» с описанием охватившей моряка

надежды на встречу: «Думал я о чуткости / рук, державших шприц, / и не боли – радости / не было границ...» Посылая это стихотворение 29 мая 1959 года В.Сафонову, Н.Рубцов смущенно признавался: «Не подумай, что я влюблен, точнее, не подумай, что только я в неё влюблен. Её любят все за чудесный характер и работу. С ней говорить – то же, что дышать свежим чистым воздухом».

В стихотворении «Минута прощания» духовно-нравственное преобразование лирического героя под влиянием женской любви раскрыто с чувством благодарности за исцеление от душевной боли и обретение внутреннего покоя:

*...Уронила шелк волос
Ты на кофту синюю
Пролил тонкий запах роз
Ветер под осиною.
Расплескала в камень струн
Цвета винного волна –
Мне хотелось в поцелуи
Душу выплеснуть до дна.*

Чаще всего тема романтической любви в ранних стихах Н. Рубцова связана с обликом женщин, пробудивших когда-то первые, оставшиеся вместе с тем неразделенными любовные чувства. Это Т. Решетова, выпускница Тотемского педучилища, которая, по словам Н. Коняева, «не смогла отвергнуть ухаживания», стала «первой любовью» Н. Рубцова и бродила с ним по берегу Сухоны, дожидаясь ночного рейса парохода на Вологду. Её мама, узнав, что Н.Рубцов сирота, постаралась окружить его заботой. Но между влюбленными произошла ссора, и Таня вместе с сокурсницами уехала на работу в Азербайджан. Именно её вспоминал Н.Рубцов в январе 1955 года, когда писал:

*Ты не одна томишься на чужбине
И одинокой быть обречена.*

Несколько стихотворений поэта посвящено Т.С. – Тае (Таиси) Смирновой, с которой он познакомился в августе 1955 года на танцах в парке поселка Приютино и которой затем посылал фотографии и стихи с Северного флота:

*Сочинять немного чести.
Но хотел бы я мельком
Посидеть с тобою вместе
На скамье под деревцом.*

С мыслью о встрече с Таей приехал Н.Рубцов на побывку в Приютино в 1957 году. Каково же было

разочарование, когда он узнал, что Тая изменила ему. Он воспринял это как предательство и весь свой гнев вылил в посвященном Т.С. стихотворении «После разлуки» (1957):

*Забыла ли ты о друге?
Взгляни же скорей!
Всё ясно...
Три года тебе, подлюге,
Письма писал напрасно.*

Такое прямолинейное выражение чувств пока ещё очень далеко от есенинской грусти в стихах о расставании с любимой женщиной:

*Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость⁶.*

После армии Н.Рубцову предстояло еще многое узнать и пережить, чтобы трагедию любви не смешивать с неудачной любовью. Пока же от своих подруг Н.Рубцов ожидал, что любовные отношения будут развиваться так же последовательно, как в прочитанных им на флоте советских романах. Отключенный на четыре года от жизни общества, в котором во второй половине 1950-х годов происходили значительные перемены в понимании «вечности в любви», Н.Рубцов только позднее, в пору творческой зрелости, осознал, что любовь, все равно, счастливая или несчастная, для поэта много интереснее долгих лет обыденного брака:

*Вот так же было холодно и сыро,
Сквозил в проулках ветер и рассвет,
Когда она задумчиво спросила:
– Наверное, гордишься, что поэт? –
Наивная! Ей было не представить,
Что не себя, – ее хотел прославить,
Что мне для счастья
Надо лишь иметь
То, что меня заставило запеть!*

Но такого качества стихи о любви стали «выпекаться» у Н.Рубцова уже позднее, а в феврале 1959 года, незадолго до окончания срока флотской службы, он оказался на распутье. В любом отделе кадров он мог показать лишь документ об окончании семилетки. Он бросил учёбу в двух техникумах. Несколько раз влюблялся в девушек, но ни одна не дала согласия стать его женой. У него не было только квартиры, но и каких-либо шансов получить её в ближайшее время. Из-за отсутствия образо-

вания он мог рассчитывать только на самую непрестижную, грязную и тяжелую работу с многолюдным общежитием в придачу. Как он писал в посланном еще с флота письме В. Сафонову от 3 февраля 1959 года, единственным избавлением «от вредного и неприятного расположения духа», от «угарных газов мрачного скептического состояния» помогали ему как письма друзей, так и стихи С. Есенина с присущей им «необыкновенной силой» чувств. Цитируя близкие ему по духу строки С. Есенина из стихотворения «Хулиган» («Мне бы в ночь в голубой степи / где-нибудь с кистенем стоять!»), Н. Рубцов делился впечатлениями:

«Что за чувства в этих стихах? Неужели желание убивать? Этого не может быть! Вполне очевидно, что это неудержимо буйный (полнота чувств, бьющая через край, то – самое ценное качество стиха, точно? Без него, без чувства, вернее без нее, без полноты чувства, стих скучен и вял, как день без солнца) – повторяю: это неудержимо буйный (в русском духе) – образ жестокой тоски по степному раздолью, по свободе. Не важно, что образ хулиганский. Главное в нём – романтика и кипение, с исключительной силой выразившее настроение (беру чисто поэтическую сторону дела). Вообще в стихах должно быть «удесятеренное чувство жизни», как сказал Блок. Тогда они действительны».

Судя по этому письму, Н. Рубцов пытается обрести понимание самого себя, своих желаний, своего гнева и тревоги, своей тоски – чем она рождена, что могло бы её утолить? Он уже знает, насколько сурово тоталитарное общество испытывает человеческое мужество, как трудно в нём человеку остаться человеком. Перед ним, как и когда-то перед С. Есениным, стоит выбор: либо быть бунтарем, либо пленником добропорядочности и ради житейского успеха прилаживаться к пахнущим страхом законам советского общества, существующего в условиях подавленности и покорности. Он видит, что современная поэзия страдает упадком духа, многие стихи «рождаются мертвыми». В письме ленинградскому поэту Герману Гоппе, написанному в марте 1960 года, Н. Рубцов не без иронии вспоминает о своем впечатлении от выступления И. Бродского на Турнире поэтов во Дворце культуры им. М. Горького в конце 1959 года:

«Конечно же, были поэты с декадентским духом. Например, Бродский. Он, конечно, не завоевал приза, но в зале не было равнодушных во время его выступления.

Взявшись за ножку микрофона обеими руками и поднеся его вплотную к самому рту, он громко и картаво, покачивая головой в такт ритму стихов, читал:

*У каждого свой храм!
У каждого свой гроб!*

Шуму было! Одни кричат:

– При чем тут поэзия?!

– Долой его!

Другие вопят:

– Бродский, еще!

– Еще! Еще!

После этого вечера я долго не мог уснуть и утром опоздал на работу, потому что проспал. Печальный факт тлетворного влияния поэзии, когда слишком много думаешь о ней, в отрыве от жизни, в отрыве от гражданских обязанностей! Я знал, что завтра на работу, но не придавал этому особенного значения, и, как видите, поэтическое настроение в момент пришло в противоречие с задачами семилетки, обратилось в угрызение совести. И в деньги, которые мог бы заработать, но не заработал.

Так и в стихах. Поэзия исчезает в них, когда поэт перестает чувствовать землю под ногами и уносится в мир абстрактных идей и размышлений».

Н. Рубцов хочет идти своим неповторимым путем, поминутно чувствуя жажду движения вперед, «романтику и кипение» в своей душе и «удесятеренное чувство жизни» в новых стихах. Переполюющая Н. Рубцова «неудержимо буйная (в русском духе) тоска по раздолью и свободе требует активных действий – в жизни и в поэзии. Очевидно, что эмоциями Н. Рубцова руководит глубокое убеждение, поддержанное реальными переживаниями и прежде всего – желанием раскрыть возможности в самом себе.

2 июля 1960 года Н. Рубцов посылает В. Сафонову письмо из Ленинграда:

«Работать устроился на советский завод, где, сам знаешь, меньше семисот рублей никто не получает. С полочки особенно хорошо: хожу в театры и в кино, жру пирожное и мороженое и шляюсь по городу, отнюдь не качаясь от голода.

Вообще живется как-то одиноко, без волнения, без особых радостей, без особого горя. Старею понемножку, так и не решив, для чего же живу... А вот мне сама жизнь давненько уже доказала необходимость иметь большую цель, к которой надо стремиться».

К тому времени, с 30 ноября 1959 года, Н. Рубцов уже полгода работал кочегаром на Кировском заводе за Нарвской заставой, успел войти в состав литературного кружка при редакции заводской многотиражки «Кировец» и опубликовать в апрельском номере газеты стихотворение «В кочегарке»:

*...Пахло угольным угаром,
Лезла пыль в глаза и рот,
А у ног горячим паром
Шлак парил, как пароход.*

Заводской газете был близок лирический герой этого стихотворения, вчерашний матрос Северного флота, который «с таким работал жаром, / будто от-дан был приказ / стать хорошим кочегаром / мне, ушедшему в запас». Поэт Николай Новосёлов писал в предисловии к литературной странице многотиражки: «От стихотворения к стихотворению крепнет поэтический голос, возрастает литературное мастерство Н.Рубцова». В тот момент всем членам кружка казалось, что к «рабочей» теме приобщился ещё один достойный человек, вышедший из народа. Н.Рубцову предоставили место в общежитии и в мае 1961 года перевели на работу шихтовщиком в копровый цех. По записанным В.Карпущенко воспоминаниям А.В.Николаева, жившего с Н.Рубцовым в одной комнате, сосед вечерами допоздна писал стихи: «В его тумбочке лежала стопка листов, испещренных пометками, вычеркнутыми строчками, вымаранными чернилами словами. Иногда Николай часами бился над словом. Бывало, вернемся с завода в общежитие – в комнате хоть шаром покати: добываем у ребят хлеба, ставим чайник, пьем кипяток. Николай уже успел за день сочинить стихотворение, но «замка» стиха, как он говорил, – нет. Опять бьется над словами. И наконец находит, улыбается. Счастливый, будто червонец нашел».

Наряду с занятиями в заводском кружке, Н.Рубцов становится членом литературного объединения «Нарвская застава», где велись занятия по теории и истории поэзии. На руководителя литобъединения Игоря Михайлова произвели впечатление «удивительно жизнелюбивые» стихи вчерашнего моряка. Осенью 1961 года пять стихотворений Н.Рубцова – «В кочегарке», «Впечатления детства», «Желание», «Утро на море», «Портовые ночи» – появились в сборнике заводских поэтов «Первая плавка». Для многих членов литературного объединения это был первый шаг в страну Поэзии, и они искренне радовались публикации. Что же касается Н.Рубцова, то он уже выходил на тропу профессионального литератора и знал, что и как надо писать на «рабочую» тему. Профессия кочегара окончательно добывала его и без того порушенное войной и сиротством здоровье, но если в данной ситуации от него как от поэта ждали прославления труда – он писал стихотворение «Кочегарка», где заявлял о желании «стать хорошим кочегаром». Полгода работы на рыболовном траулере показали Н.Рубцову

всю изнанку изнурительного труда в море, но от него, бывшего матроса, ждали романтических воспоминаний о пережитом. Так появляется стихотворение «Утро на море» с описанием реющего над волной паруса, а издали

*Встречая день, мечтательно и страстно
Поет о счастье голос молодой!*

Много общих слов в стихотворении «Портовая ночь», где рифмы подобраны с не свойственной поэту небрежностью: «опять – зажигать», «уют – прильнут», «труд – уют». Пожалуй, только в стихотворении «Желание» Н.Рубцов приоткрывает тот «глубинный пламень», который бушует в его душе и пока не находит своего выражения в стихах:

*Но от грустных слов
мне рот воротит.
Тот глубинный пламень есть в душе,
Что всегда горит во мне и бродит,
Словно хмель в наполненном ковше.*

Поэт выражает желание, «чтоб времени фарватер / не оставил где-то в стороне». Он не может не понимать, что навязываемое ему предложение стать певцом «рабочей» темы не дает перспективы роста.

На очередное заседание литературного объединения «Нарвская застава» Н.Рубцов выносит шесть стихотворений иной тональности («На родине», «Фиалки», «Соловьи», «Видения в долине», «Левитан», «Старый конь») и получает дружный отпор. На взгляд заводских поэтов, эти лирические стихи «мелки по теме», в них присутствует «неуместная в стихах такого рода игра слов». Зато хвалят стихи Н.Рубцова на «рабочую» тему («В океане», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...»), которые «сразу составили ему добрую репутацию»⁷. Н.Рубцову советовали заняться описанием «трудового процесса». Тем самым его отсекали от философской лирики, связанной с размышлениями о жизни и смерти, о смысле человеческого бытия, о судьбе России.

«В Ленинграде Рубцов был в какой-то мере чужаком, пришельцем, – вспоминал Г.Горбовский. – Однажды привел с собой брата с гармошкой. И мы все пошли в один из ленинградских садиков, сели на лавку и стали играть на гармошке и петь песни. Городские люди на нас с интересом смотрели. А Коля не мог иначе. Ему так хотелось щегольнуть гармошкой, северной частушкой или моряцким гимном – «Раскинулось море широко»... Он таким образом заявлял в городе о себе, сохраняя в себе свое, тамошнее, народное...»

И хотя у Н.Рубцова, в отличие от С.Есенина, в бытовом и будничном плане не было родительского дома, он воспринимал село Никольское, где провел детство и откуда шагнул в большой мир, как свою родную вотчину. Здесь он мог после долгих странствий припасть к источнику всего живого, нравственно чуткого – к родной, «врачующей» природе. Стихотворение «На родину» (1962) начинается с картины мчащихся в ночи «по холмам суровым» грузовиков, в одном из которых сидит лирический герой, обуянный желанием скорее увидеть родные просторы:

*Побегу в родные края,
Побегу
Из долгой неволи
На отдых,
На мед с молоком!*

Родные края предстают здесь в романтическом ореоле как некий сказочный мир, где после «долгой неволи» города можно вылечить свою уставшую душу и встретить добрых людей, дарующих всем «мед с молоком». Тишине этого райского уголка противопоставлен рев грузовиков, водители которых ведут себя как завоеватели сельских пространств: «Припали к рулям, / как зубры! / и гнали – в леса, в леса! – жестоко оскалив зубы / и вытаращив глаза!» Здесь Н.Рубцов интуитивно повторяет конфликт «живого» и «железного», который проходит через стихотворение С.Есенина «Сорокоуст» (1920). В нём от храпа поезда, похожего на зверя «с железной ноздрей», чуют беду строенья, поселки, луга, а «смешной дуралей» жеребенок теряет силы в отчаянной гонке с паровозом, не зная, «что живых коней победила стальная конница».

На ту же тему написано стихотворение «Фиалки» (1962), герой которого в большом городе испытывает огромное чувство одиночества, осиротелости. Ему чужд водоворот суеты и денежных забот, где даже лесные фиалки продаются навывнос, а ведь они для вышедшего из деревни лирического героя – «словно живые». Образ срезанных на продажу лесных фиалок усиливает в лирическом герое отчаяние от мысли, что он, оказавшись без денег на чужбине, может никогда не возвратиться на родину. Возникает переключка с началом поэмы С.Есенина «Цветы» (1924):

*Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край⁸.*

В свойственные «Цветам» грустно-мрачные тона окрашены и переживания героя «Фиалок», мечтам которого о возвращении в деревенский рай, где любого скитальца угощают молоком с медом, не дают исполниться борющиеся друг с другом за каждую копейку, за место под солнцем озверевшие от бедности посетители вещевого рынка. Они равнодушны к страданиям деревенского паренька, к его попыткам продать последнюю одежду и купить билет на родину:

*Вот хожу я, где ругань,
Где торговля по кругу,
Где толкают друг друга
И толкают друг другу,
Рвут за каждую гайку
Русский, немец, эстонец...
О!.. Купите фуфайку.
Я отдам за червонец...*

Культ денег, культ обыденной жизни, основанной на примитивных иллюзиях, выдаваемых за здравый смысл, были чужды Н.Рубцову, никогда не ощущавшему безопасности, комфортности и спокойствия человеческого существования. Выполняя на заводе физически выматывавшую его работу и получая за неё гроши, живя в общежитии, питаясь плохо и, как всё его окружение, злоупотребляя алкоголем, Н.Рубцов спасал себя духовным самоисследованием, поиском ответа на вопрос: «кто есть я?» Как это бывает в индуистской практике, «все человеческие качества продолжают существовать как бы формально, в том числе и «Эго», но в душе появляется совершенно иной центр... Человеческое «Я» остается где-то внизу как придаток, а вместо него возникает то, что невыразимо на человеческом языке... Появляется реальное иное «сознание», и всё это совершенно конкретно, существуют признаки этого «сознания» как результат «собственного усилия человека, но не в форме рациональных попыток и обобщений, а в форме активизации так называемой сверхрациональной интуиции, интуитивного познания, которое относится к компетенции уже сверхрационального разума. Это познание сверхчеловеческое, т.е. мгновенное познание того, что ты хочешь познать»⁹.

Отсюда – неожиданный для многих его современников творческий взлёт Н.Рубцова к вершинам поэтического слова, вызвавший удивление читателей и критиков по поводу пророческой глубины его стихов. «...Мнится, – писал Вадим Кожинов, – что стихи эти никто не создавал, что поэт только извлек из вечной жизни родного слова, где они всегда – хотя и скрыто, тайно – пребывали».

Одним из первых, кто в Ленинграде почувствовал сердцем, что Н.Рубцов находит свою, «корневую, драматическую тему Родины, России, тему жизни и смерти, любви и отчаяния», был Глеб Горбовский. Случилось это, когда Н.Рубцов зашел к нему в гости и прочел стихотворение, начавшееся строкой «Трущобный двор. Фигура на углу». «Главное, что стихи взволновали, даже потрясли своей неожиданной мощью, рельефностью образов, драматизмом правды, – вспоминал Г.Горбовский. – И Коля для меня перестал быть просто Колей. В моем мире возник поэт Николай Рубцов. Это был праздник».

В начальном варианте поразившее Г.Горбовского стихотворение называлось «Поэт» и при всём автобиографическом его характере подхватывало одну из ведущих тем в творчестве Ф.Достоевского – тему одиночества человека, живущего не в своей среде, во мраке безвыходности и отчаяния и потому склонного переносить свои переживания в мистическую потустороннюю сферу. Стихотворение начинается с описания чисто петербургского пейзажа, каким он виделся Ф.Достоевскому: городские трущобы, замкнутые с четырех сторон мрачные и грязные дворы, желтый свет из окон, который «горит, но не рассеивает мглу». Неудивительно, что в одинокой фигуре на углу лирическому герою, пришедшему на встречу с приятелем-поэтом, чудится Ф.Достоевский: «Как без него представить эти тени, / и желтый свет, и грязные ступени...» Уже настроенному на некое бесовское наваждение герою всё дальнейшее видится словно в тревожном сне:

*Я продолжаю верить в этот бред.
Когда в своё притонное жилище
По коридору в страшной темнотище,
Отдав поклон, ведет меня поэт...*

Далее, как в «Двойнике» Достоевского, происходит нечто странное: лирический герой, будучи сам поэтом, начинает жить в стихотворении двойной жизнью, раздваивается в собственном сознании. С одной стороны, он опасается всего происходящего в «притонном жилище» – олицетворении ада в его воспаленном воображении, а с другой стороны, с болезненным любопытством фиксирует в своей памяти детали раскрывающегося перед ним мистического зрелища, тем более что узнает себя в хозяине мрачной квартиры, который «как волк, напьется натошак, / и неподвижно, словно на портрете, / все тяжелей сидит на табурете, / и все молчит, не двигаясь никак».

*Он говорит, что всё уходит прочь
И всякий путь оплакивает ветер,
Что странный бред, похожий на медведя,
Его опять преследовал всю ночь,
Он говорит, что мы одних кровей,
И на меня указывает пальцем.
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живой.*

О существовании в себе другого, «черного человека» признавался и сам Н.Рубцов. В воспоминаниях жены В.Астафьева М. Корякиной приводится текст его записки к Н.Л.: «Н.! Я понимаю, что мало извиниться перед тобой (мне все рассказала Анастасия Александровна). Это говорил не я. Это говорило моё абсолютное безумие. Поэтому не придавай абсолютно никакого значения дурости. По-прежнему Н.». И далее М.Корякина продолжает: «Спустя несколько дней Николай зашел к нам пьяный, мрачный и раздраженный. Покачиваясь на стуле, что-то говорил о смысле жизни поэта, начал было развивать какую-то умную мысль, но тут снова заговорило его «абсолютное безумие». Я смотрела на него, совсем другого Колю, неухоженного, нетерпимого, и уж вроде начала сомневаться, один ли и тот же человек Николай Рубцов, написавший много прекрасных стихов, и этот изможденный выпивкой, косноязычный, растрчивающий себя и свой талант так безрассудно».

Но даже когда Н.Рубцов клял себя за проступки, объяснимые «абсолютным безумием» и «адским пламенем» эмоций, он продолжал в стихах совершенно справедливо утверждать:

Поверьте мне: я чист душою...

Необычность поведения Н.Рубцова, как и мистический реализм его стихов, вызывали у его знакомых ощущение встречи с чем-то загадочным и необъяснимым. Иногда поэт «никого вокруг себя не замечает, настолько отрешенным вдруг становится взгляд, устремленный сквозь и через всех в ему одному видимую даль»¹⁰. В такие минуты его словно вела неведомая сила, и объяснение такому поведению, напоминающему медитацию, можно найти в работах ученого из Санкт-Петербурга Ю.А.Андреева. По его мнению, избранным художникам слова даровано выйти на контакт с ноосферой – «гигантской оболочкой вокруг Земли, постоянно накапливающей всё новую и новую информацию о каждом из нас, обо всем, что совершается на планете... Обретение знаний свыше – хоть во сне, хоть наяву – свидетельство этой истины. Выход на информационный канал в ряде случаев позволяет

не только предсказывать будущее, но подчас и открывать неизвестные страницы в прошлом».

Провидческое дарование Н.Рубцова проявилось уже в стихотворении «Видения на холме» (1962), первый вариант которого был написан в Ленинграде и представлен в рукописном сборнике Н.Рубцова «Волны и скалы». Позднее, уже в Москве, Н.Рубцов вновь вернулся к тексту стихотворения: вместо выражения «безмолвных звезд сапфирное движение» появился завершающий стихотворение образ: «спокойных звезд безбрежное мерцанье» и т.д. Но корневая основа стихотворения сохранилась.

Создание «Видений на холме» совпало с увлечением Н. Рубцова творчеством Федора Тютчева. Об этом свидетельствуют многие его современники, и в том числе вологодский прозаик С.Багров:

«Вернувшись к раскрытому чемодану, он вынул книгу в желтом потрепанном переплете – «Сочинения Ф.И.Тютчева». Подавая её мне в руки, сказал:

– Вот поэт! Сильнее его не знаю!

– А Пушкин?

– Они друг другу равны.

– А Есенин?

– Он тоже великий поэт».

Ф.Тютчев оказался близок Н.Рубцову высокой оценкой в человеке игры естественных, непроизвольных сил. Литературовед Н.Я. Берковский называл Ф.Тютчева поэтом-импровизатором, возлагающим надежды на прихоть чувства и мысли, которые сами должны вывести его на верный путь: «В поэтическом изложении он делает крутые прыжки и повороты, узаконивает внезапные свои находки – будет ли это поэтическая идея, будет ли это слово, – твердо верит в правоту своих догадок, не ища доказательств для них... Он отдается впечатлениям жизни, идет за ними, благодарный тому, что они подсказут, что внушат. Как подлинный импровизатор, он сочиняет по мгновенно пришедшему поводу, без подготовки и безошибочно верно». Такая импровизаторская программа классика русской поэзии была близка Н.Рубцову, который в письме А.Яшину от 3.11.1964 г. писал: «Не поэзия от нас зависит, а мы зависим от неё... Главное, чтоб за любыми формами стояло подлинное настроение, переживание, которое, собственно, и создает, независимо от нас, форму. А значит, еще главное – богатство переживаний, настроений (что опять не от нас зависит), дабы не было бедности, застоя интонаций, форм».

Ф.Тютчев оказался близок Н.Рубцову своим пантеизмом, бравшим под покровительство всю органическую жизнь в целом и потому напряженно переживавшим противоречия современного мира: «Что бы ни представало перед Тютчевым, – писал

Н.Я.Берковский, – он всегда подозревал великие несоответствия между явным и тайным, наличным и скрывающимся, идущим в жизнь и уже пришедшим в нее. Повседневная практика обнаруживала, что современный мир находится в распоряжении воинствующего индивида и его «злой жизни», как названа она в тютчевских стихах. Повсюду сказываются последствия и отголоски этой «злой жизни», столько же губительной, сколько и всепроникающей».

Стихотворение Ф.Тютчева «Видение» (1929) исполнено страхом перед разрушительной, вражеской силой, которая внезапно приходит к человечеству в ночи, «в час всемирного молчания». Ничем нельзя остановить зловеший ход событий, когда «колесница мироздания / открыто катится в святилище небес»:

*Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспмятство, как Атлас, давит сушу...
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!*

Лишь немногим, и в первую очередь служителям музыки – поэтам, в эти ночные часы хаоса удастся проникнуть через свои видения в глубину вечного движения природы, в ход истории, в судьбы цивилизации:

*Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!*

Присущее стихотворениям Ф.Тютчева «Видение» и «Последний катаклизм» мистическое восприятие благой, божественной силы и злой, сатанинской характерно и для «Видений на холме» Н.Рубцова. Уникальность духовного опыта Н.Рубцова состояла в том, что это мистическое чувство он вынес не после знакомства с философией и культурой Запада (где Ф.Тютчев провел 22 года), а через личный опыт скитаний по России. Развитию мистического чувства способствовали сиротство и житейская неустроенность, постоянная нужда, разрыв с семьей, тягостное одиночество и безысходность во многих жизненных испытаниях. Главным же для Н.Рубцова было обретение национального исторического сознания после приобщения к богатейшей культуре Русского Севера, когда в душе повзрослевшего поэта появилась способность поставить жизнь русского народа в некую всемирно-историческую связь.

Начиная с «Видений на холме», Н.Рубцов (об этом он писал А.Яшину) предпочитает «использовать слова только духовного, эмоционально-об-

разного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». История вторгается в его «Видения» сквозь призму личности как субъекта, соотношенного с бытием народа. Так же, как для Пушкина «судьба человеческая – судьба народная», так и для Н.Рубцова характерно желание проникнуть в тайну России, послужить ей, пророчески разгадать её судьбу. И начинается он с напоминания о трагическом прошлом Руси:

*Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...*

В этой первой трети знаменитого стихотворения Н.Рубцов создает осененный православием образ Древней Руси, чья растянувшаяся на несколько веков жизнь под «тупым башмаком скуластого Батыя» стала результатом «грозного раздора» между разрозненными русскими княжествами. При воспоминаниях о пришедших с юга безжалостных варварах, утопивших Русь в крови, разрушивших национальный уклад, сердце поэта наполняется гневом и одновременно – сочувствием к пережившему такие страдания русскому народу.

Центральная часть стихотворения – это песнь любви к России. Вслед за Ф.Достоевским, которому принадлежат слова, что русский народ – народ-богоносец, Н.Рубцов верил в великую миссию России, которая несет миру братство людей и свободу духа. Он признавал культ святости у русского народа.

*Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...*

Как славянофилы и их последователи в XX веке (Вяч.Иванов, С.Булгаков, В.Эрнст), Н.Рубцов близко воспринимал идею «Святой Руси», мечтал о восстановлении утраченной «древней истины». Сознательно или бессознательно, в качестве источника

вдохновения Н.Рубцов всегда видел перед собой родную страну. В «Видениях» поэт предвосхищал новое наступление на Россию сил зла, когда со всех сторон нагрянут «иных времен татары и монголы», и готовил к нему человеческие души.

Русь в изображении Н.Рубцова – это страна «света на звездных берегах», того самого света, который, согласно Евангелию, довелось лицезреть на горе Фавор избранным апостолам, увидевшим светлый лик преобразившегося Христа. И как бы ни скрежетали зубами собравшиеся под горой представители «рода неверного и развращенного», они бессильны помешать наполнить души человеческие надеждой на исцеление и преображение жизни как духовной, так и телесной. Об исканиях Фаворского света в русской литературе говорил 26 февраля 1914 года князь Евгений Трубецкой в докладе, читанном в Москве на собрании Религиозно-Философского общества: «И всегда искание Фаворского света вызывалось у наших писателей живым, болезненным ощущением силы зла, царящего в мире».

То же самое есть в «Видениях на холме» Н.Рубцова, где автор трагически переживает возможную судьбу родной страны, «сугубо страждущей, периодически одержимой духом немой и глухим, немолчно зовущей и требующей помощи», и вместе с тем в финале стихотворения выражает веру в вечное сияние «бессмертных звезд Руси»:

*Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смиренно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной –
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное молчанье...*

Каждому прочитавшему стихотворение «Видения на холме» становится ясно, что его автор любит свою страну, своё отечество и в этой любви черпает вдохновение. Ведь «только любовь привязывает человека к чему-нибудь на жизнь и на смерть; только любовь вызывает в душе ту верность, без которой немислимо никакое государство; только любовь открывает человеку то духовное око, которое позволяет ему отличать в жизни Божественное от небожественного и превращать свою жизнь в истинное служение».

Н.Рубцов готов был приступить к обновлению своего духовного опыта, но его желание по-новому открыть в стихах приметы времени столкнулись с

сопротивлением местной писательской элиты. «Хочется кому-то чего-то доказать, а что доказывать и кому доказывать – не знаю», – писал Н.Рубцов В.Сафонову 2 июля 1960 года. Ему было отказано в публикации на страницах журналов «Смена» и «Звезда». Иногда он выступал на различных мероприятиях (на вечере поэзии рабочей молодежи в Ленинградском Доме писателей 24 января 1962 года, на встрече молодых ленинградских поэтов с коллективом журнала «Звезда» в марте 1962 года, на итоговом отчете рабочих поэтов литературного объединения «Нарвская застава во Дворце культуры имени Горького» 6 мая 1962 года), но читал там стихи о труде моряков да небольшие юморески: «И вот уже в зале искренний смех, веселое оживление после очередных шуточных строк», – вспоминал Б.Тайгин, описывая вышедшего на сцену Н.Рубцова в заношенном пиджаке и мятых рабочих брюках, в шарфе, обмотанном вокруг шеи поверх пиджака.

Всё очевиднее становилось, что в Ленинграде Н.Рубцову не удастся проявить лучшие стороны своего дарования. Свои надежды на лучшее будущее он стал связывать с Москвой, с поступлением в Литературный институт имени Горького. Ради исполнения этой мечты Н.Рубцов без отрыва от производства окончил девятый и десятый классы вечерней школы и 21 июня 1962 года получил аттестат зрелости. Значимое для него событие совпало с другим: ленинградец Борис Тайгин предложил записать на магнитофонную ленту стихи в авторском исполнении и затем сделать машинописный сборник. В течение полутора месяцев, начиная с первого июня 1962 года, работа была завершена. В окончательном варианте в книжку вошло более тридцати стихотворений, разделенных на восемь тематических циклов. «Назвал Н.Рубцов ее «Волны и скалы», – вспоминал Б.Тайгин, – объяснив, что «волны» означают волны жизни, а «скалы» – различные препятствия, на которые человек натывается во время своего жизненного пути».

Рукописный сборник, размноженный в шести экземплярах, открывался авторским предисловием, написанным 11 июля 1962 года. На тот момент Н.Рубцов продолжал испытывать непреодолимую чуждость по отношению к не понявшей его творческой элите. «И пусть не снуют сюда со своими мнениями унылые и сытые «поэтические рыла», которыми кишат литературные двory и задворки», – писал Н.Рубцов. – Без них во всем разберемся». Тенденциозность вступительной статьи очевидна, как и её противоречивость. С одной стороны, Н.Рубцов демонстрирует верность традициям поэтов-шестидесятников с их верностью нигилизму по отноше-

нию к респектабельным традициям и не считает «экспериментальным» и «формалистическим» тот уклон в некоторых его стихах, который связан с желанием «поиграть», если подобная игра – «органичное художественное средство». С другой стороны, он говорит о своей потребности в серьезности и глубине, в народно-национальной традиции, в общественных ценностях, без которых нет культуры:

«В жизни и в поэзии – не переносу спокойно любую фальшь, если ее почувствую. Каждого искреннего поэта понимаю в любом виде, даже в самом сумбурном.

По-настоящему люблю из поэтов-современников очень немногих.

Четкость общественной позиции поэта считаю не обязательным, но важным и благотворным качеством. Этим качеством не обладает в полной мере, по-моему, ни один из современных молодых поэтов. Это есть характерный знак времени. Пока что чувствую этот знак и на себе».

«Рукотворная» книга «Волны и скалы» включила в себя всё лучшее, что было написано Н.Рубцовым в предыдущие годы, и в этом её непреходящее значение. Открывалась она циклом стихотворений «Салют морю», куда вошли стихи, выгодно оттенявшие «морскую» страницу биографии автора («В океане», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...», «Фиалки»). Первые два из них когда-то были одобрены участниками литературного объединения и читались поэтом на своих выступлениях в городе, а вот «Фиалки» были осуждены за мелкотемье. И здесь проявляется рано проснувшееся в Н.Рубцове качество – не изменять своим принципам в угоду постоянно меняющейся конъюнктуре дня.

Во второй цикл Н.Рубцов включил два стихотворения из своего «рыбацкого» прошлого («Однажды к пирсу траулер причалил» и «Бывало, вырядимся с шиком...») и четыре лирических стихотворения, самым сильным из которых было «Видения на холме» («Взбегу на холм и упаду в траву»). Вошло в сборник и стихотворение «Березы», когда-то (на взгляд Н.Рубцова – несправедливо) раскритикованное в Мурманске. Новые грани дарования поэта открывало стихотворение «Утро утраты» («Человек не рыдал, не метался»), где с удивительной глубиной были раскрыты чувства горожанина, пережившего потерю близкого человека и при этом оказавшегося на улице в глухом одиночестве среди грохочущих «железками машин».

В третий цикл «Птицы разного полёта» были включены четыре стихотворения, которые с большой степенью условности можно назвать любовной лирикой. В одном из них, начинавшемся строкой «Эх, коня да удаль азиата», лирический герой мечтал предс-

тать перед любимой «разбойником, только без кинжала», удивившим девушку своим появлением на городской улице на лихом коне. В другом стихотворении он же бродил по метельному городу «вдоль железных заборов», осуждая девушку, которая и раньше опаздывала на свидания, а этим вечером «не пришла и совсем». Еще один вариант несостоявшейся любви дан в стихотворении «Ненастье», но на этот раз без надрыва эмоций, а с юмором: после отказа встретиться герой ради успокоения насыщает «молодой организм какой-то копченой рыбешкой».

Четвертый цикл стихотворений Н.Рубцов назвал «Звукописные миниатюры» и включил в него стихотворения: «Левитан», где автор, услышав колокольный звон, идет на словесный эксперимент и пишет о «звоне заокольном и окольном / у окон, около колонн»; «Старый конь», вызывающее невольное восхищение талантом автора владеть всем богатством русского языка («Хоть волки есть на волоке / и волок тот полог, / едва он сани к Вологде / по волоку волок...»). Еще в двух стихотворениях «На перевозе» и «Маленькие Лили» озорно и весело обыгрывались близкие по звуковой гамме слова («На прутик лили / Лили – лилипуты»).

Пятый цикл, названный автором «Репортажи», открывался стихотворением «На родине» («Загородил мою дорогу...») – о новинах колхозной деревни, где «в полях везде машины / и не видать плохих кобыл». При сочинении этого опуса Н.Рубцов был очень похож на мужика из его стихотворения «Репортаж», которого корреспонденты радио просят «рассказать о работе «в свете новых решений ЦК», а ему «непривычно трéкать», он, бедняга, мучается, «вздых срывает с языка», но от него не отстают, «тянут слово из мужика!». Завершал цикл стихотворение «О собаках» («Не могу я видеть без грусти...»). При всей внешней обыденности сюжета в изображении «ежедневных собачьих драк» в стихотворении есть и свой подтекст. Глядя на дерущихся собак, самые наглые из которых «разорвут на части», Н. Рубцов проецирует их нравы на взаимоотношения в раздираемом конфликтами писательском сообществе, когда входящий в литературу, подобно собаке, неизбежно оказывается «друг человеку одному, а другому – враг».

Шестой по счёту включенный в рукописную книгу цикл назывался «Ах, что я делаю!», куда вошло и стихотворение «Да, я умру!».

В следующий цикл «Хочу-хочу!» Н.Рубцов включил одобренные на литературном объединении «Нарвская застава» стихотворения «Разлад» («Никто никогда не писал таких стихов о неудачной любви, где несомненная боль прикрывалась иронией», – вспоминал И.Михайлов) и названное там же «од-

ним из самых улыбчивых его стихотворений» «Утро перед экзаменом». Здесь же появилось написанное в Мурманске стихотворение, которое начиналось словами: «Стукнул по карману – не звенит».

Завершал рукописный сборник цикл «Ветры поэзии», куда в том числе вошли стихотворения «Поэт» («Трущобный двор...») и «Сказка-сказочка» («Влетел ко мне какой-то бес...»).

По воспоминаниям Б.Тайгина, Н.Рубцов книгой «Волны и скалы» «был растроган чрезвычайно» и взял её с собой в Москву, в Литературный институт. «Я на собеседовании читал стихи, держа её в руке, – рассказывал он Б.Тайгину, – а потом она побывала в руках у всех членов комиссии, вызвав у них удивление и восхищение немалое! Думаю, что она являлась для меня как бы талисманом. Всегда буду хранить её как самое дорогое, заветное».

В июле Н.Рубцов побывал в селе Никольское. Он был весел и энергичен, охотно участвовал в сельских вечеринках. Однажды он узнал в пришедшей в клуб Генриетте Михайловне Меньшиковой ту самую девочку Гету, с которой летом 1949 года ездил в Тотьму на олимпиаду детских домов. Тогда он «играл на гармошке разные песни, сопровождал музыкальными акробатическими номерами, которые Гета исполняла с Женей Буняк»¹¹. Дружеская встреча закончилась более близким знакомством. При первых признаках беременности Г.Меньшикова уехала из села в близкий к Ленинграду город Ораниенбаум, где устроилась работать почтальоном. Она навестила заводское общежитие, но Н.Рубцов уже уехал в Москву, успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен на первый курс Литературного института. В конце октября Н.Рубцов побывал в Ленинграде, навестил друзей, встретился с Гетой, обещал помогать дочери. От регистрации брака Гета категорически отказалась и вернулась в село Никольское к матери. 20 апреля 1963 года родилась дочь поэта Людмила. Впоследствии Н.Рубцов неоднократно навещал дочь, жил в Никольском месяцами, писал здесь стихи и помогал по хозяйству: пилил и колот дрова, собирал на продажу грибы и ягоды.

Известие о смерти отца поэт получил с опозданием, когда вместе с другими студентами был отправлен «на помощь селу». В сентябре Н.Рубцов побывал на могиле отца, почтил его память.

Словом, 1962 год для Н.Рубцова оказался необычайно богат событиями личного характера, затрагивавшими и его писательскую судьбу. Ему казалось, что полоса неудач окончательно завершилась и ему открыт прямой и быстрый путь к успеху на литературном поприще. Не теряя ни минуты времени, он стал предлагать редакциям столичных журналов свои стихотворения. Точно так же посту-

пали и его товарищи по Литературному институту, и жившие «в городах и весях» тысячи молодых и пока еще не признанных поэтов, мечтавших последовать примеру блиставшего в тот момент целого взвода «эстрадных» певцов современности.

Начинавший в те годы свою литературную карьеру и ставший председателем Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов вспоминал в сентябре 2014 года: «Со временем мне повезло: в 1960-е годы началась эпоха, когда литература котировалась выше всего. Более блестящей карьеры не было. Сейчас можно стать депутатом, миллионером, а тогда быстрее всего – писателем. Это почувствовали мы все. Мы читали друг друга и точно оценивали, и уже не было страшно ничего, после того как тебя оценили такие люди... Сейчас несет в основном еще та, прежняя энергия. Но подняться и вырасти из сегодняшних дней? На чём? Раньше был общий стимул – доказать, что мы лучше системы. Теперь некоторые молодые тоже борются с нынешним, но это уже словно деджаву. И азарт, конечно, не сравним».

В Москву Н.Рубцов приехал с целым баулом написанных ранее стихов. Нередко в комнате, где он жил, собирались поэты-первокурсники. «Читали стихи, спорили до изнеможения, – вспоминал С.Макаров. – Николай, уронив в ладони лоб, мог часами молчать, не принимая участия в споре. Только иногда он поднимал на нас свои карие, пронзительные, какие-то пронзительные глаза и говорил: «Эх, вы! Что вы понимаете в поэзии!» И вновь замолкал надолго». В силу своего возраста и литературного опыта он не собирался соразмерять свой талант с теми, кто после школьной скамьи сразу стремился войти в поэтическую иерархию Литературного института. Но иногда на ночных посиделках студентов он мог прочитать свои стихи. Как вспоминал Эдуард Крылов, «впечатление было очень сильным. В то время кумирами читающей публики были Евтушенко, Вознесенский... В Рубцове сразу почувствовалось нечто совсем другое. «Необычная» поэзия «под Евтушенко» звучала уже слишком обычно, а «обычная» поэзия Рубцова прозвучала необычно... Прозаики сразу и безоговорочно признали первым Николая Рубцова, поэты либо вовсе не признавали его, либо признавали с большими оговорками и отводили ему очень скромное место. Самыми же преданными его почитателями были люди нелитературных кругов. Все они, кому я читал стихи Рубцова, просили переписать их и познакомить с автором. Напоминаю, что это был 1962 год».

Из стихов, которые Н.Рубцов разносил по редакциям, отбирались те, которые для него были в творческом отношении уже пройденным этапом,

да и они лежали без движения месяцами. Лишь в июне 1963 года на страницах газеты «Труд» Н.Рубцов увидел своё стихотворение «В кочегарке» – на «рабочую» тему. «Комсомольская правда» в ноябре 1963 года познакомила читателей со стихотворением Н.Рубцова «В океане» – на морскую тему. В «Литературной России» в декабре того же года появилось стихотворение «Я весь в мазуте, весь в тавоте...». Составители альманаха «День поэзии» (М., Л., 1963) отобрали три стихотворения: «В океане», «Утро на море» и «В кочегарке». Повторялась та же картина, что и в Ленинграде: Н.Рубцову упорно напоминали, что он в силу своей рабочей биографии обязан писать стихи «по заказу», на социальную тематику. Такое отношение к его творчеству возмущало поэта. В беседе с вологодским журналистом Василием Елесиным он говорил: «Разве можно дать поэту задание: будь социальным! Выполнить-то он его, может, и выполнит, да только голый техникой. Души, таланта в стихах не будет... Ты можешь сделать так, чтобы сейчас подул ветер? Нет? Так что же ты хочешь от поэзии? Она стихийна! Кто работает по заказу, тот не поэт – ремесленник! Поэзия – буря, а мы только инструменты её...»

В этот сложный для Н.Рубцова период вхождения в московскую писательскую среду он нашел поддержку в лице поэтов Станислава Куняева, Анатолия Передреева и Владимира Соколова. По словам Вадима Кожина, «поэтический кружок, в который в 1962 году вошел Николай Рубцов, имел, несомненно, первостепенное значение в его творческой судьбе... Главное заключалось в единой творческой позиции участников кружка. Ими всецело владела идея русской Поэзии, воплощающей жизнь человека и народа во всей её глубинной сути». Из многих стихотворений, ранее написанных Н.Рубцовым, его собратья по кружку выделяли те, где вперед выдвигалось чувство преданности русскому Отечеству («Видения на холме»).

Но подобная патриотическая направленность этой группы поэтов вступала в противоречие с политикой партии, которая была направлена на скорое достижение «полного единства наций». На состоявшемся в ноябре 1962 года Всесоюзном совещании по вопросам создания истории советской литературы представитель Академии общественных наук СССР М.Н.Пархоменко говорил о необходимости «целиком» интернационализировать развитие культуры ради «сближения эстетических идеалов, которые, в свою очередь, являются отражением идеалов политических».

Когда в декабре 1962 года А.Яшин опубликовал в «Новом мире» очерк «Вологодская свадьба», на Вологодчине в массовом порядке стали прово-

даться собрания якобы возмущенных этой работой читателей и организовываться «открытые письма» автору. В Никольске на обсуждении очерка выступавшие заявляли, что «это клевета на никольскую жизнь» и что «надо отказаться от такого земляка и закрыть ему дорогу в Никольск». После критики деревенской прозы А.Яшина один из смотрителей Вологодского музея, по свидетельству Е.Носова, «снял с гвоздя экспонировавшуюся яшинскую фронттовую шинель и на всякий случай спрятал к себе в кладовку».

Фактически после смерти Сталина и прихода к власти Н.С.Хрущева правящая партия отказалась от восстановления традиционной русской государственности и вернулась к идее «советского интернационализма» первых послереволюционных лет. Повсюду закрывались церкви. Насаждалась политика государственного атеизма. Открыто велся курс на денационализацию русского этноса с надеждой через обвинения в «славянофильстве» затормозить пробуждение русского национального сознания. Не удивительно, что когда в советское время В.Кожин писал свои воспоминания «В кругу московских поэтов», он был очень осторожен в формулировках и подчеркивал, что кружок русских поэтов, о котором он вел речь, «в первые годы своего существования представлял собой именно кружок, а не литературное явление в полном смысле этого слова. Он не имел авторитета в каком-либо журнале, альманахе, издательстве, у него не было даже хотя бы «своего» литературного критика». В.Кожин часто приходилось слышать из уст духовно близких ему русских поэтов горькие слова о «трудности пути в литературу».

Как рассказывал Н.Рубцов, «редактор читает мои стихи семье, друзьям, знакомым, переписывает их для себя, а издавать не хочет». Зато «хождения на Рубцова» стали какой-то модой, поветрием, что раздражало поэта, который вовсе не жаждал такой «подпольной» славы и гнал своих поклонников из общезжития, говоря: «А пусть не ходят смотреть на меня, как в зверинце».

Что касается учебы в Литературном институте, то вместо посещения лекций Н.Рубцов иногда предпочитал подольше поспать, поскольку лучшими часами для сочинения стихов у него были глубокая ночь и самое раннее утро. В итоге не раз получал замечания и выговоры от ректората, в том числе в декабре 1962 года, в январе, феврале и сентябре 1963 года. Когда преподаватель по стилистике, которому Н.Рубцов прочитал свое стихотворение «Осенняя песня» («Потонула во тьме отдаленная пристань...»), сделал замечание, Н.Рубцов стал с ним спорить, но переубедить не смог и в сердцах сказал однокурснику: «К

черту стилистику, если она мешает мне выразить то, что я хочу». Самостоятельность суждений он проявлял во всём, в том числе и в оценке поэзии своих друзей – А.Передреева, С.Куняева, В.Соколова, Г.Горбовского – «был снисходительным, ценя больше дружбу самих людей, чем их творчество. А вот другим не прощал ни малейшей слабости... Если уж «заводился», то спорил страстно, готовый дойти хоть до кулачной драки». В очередной раз Н.Рубцов «завелся», когда 3 декабря 1963 года проник в ЦДЛ (Центральный дом литераторов) и задержался у двери одного из залов, где из уст выступавшего перед учителями докладчика услышал список рекомендуемых для изучения поэтов, в котором не оказалось любимого им классика русской поэзии. Далее, вспоминая В.Сафонов, случилось следующее:

«– А Есенин где? – крикнул Рубцов через зал, ошарашивая оратора и слушателей. – Ты почему о Есенине умолчал? По какому праву?»

Тут и налетел на Колю коршун в обличье деятеля из ресторана, ухватил за пресловутый шарфик, повлек на выход. Противник всяческого насилия, Рубцов, задыхающийся от боли и гнева, попытался оттолкнуть интенданта, вырваться из его рук. Подскочила прислуга, при своих, что называется, свидетелях, составили протокол, который лег в основу грозного приказа об исключении¹².

На волне юбилейных торжеств (в декабре 1963 года праздновали тридцатилетие института) дело перенесли в товарищеский суд. В его решении было предложено восстановить Н.Рубцова в правах студента. Это и было сделано вернувшимся из больницы к юбилею института тогдашним ректором И.Н.Серегиним, который ограничился вынесением Н.Рубцову очередного строгого выговора с «последним предупреждением».

Н.Рубцов успел сдать весеннюю сессию за второй курс, получил отличный отзыв от руководителя творческого семинара Н.Н.Сидоренко, но в июне 1964 года при посещении ресторана ЦДЛ вновь оказался в центре скандала, обстоятельства которого подробно описаны в книге Н.Коняева «Николай Рубцов» (М., 2001, с.131-140).

Всё то, что произошло с Н.Рубцовым и его друзьями в ресторане ЦДЛ, разительно напоминает провозакию, устроенную 20 ноября 1923 года для четверки других русских поэтов – Сергея Есенина, Сергея Клычкова, Петра Орешина и Алексея Ганина. В тот день, находясь в кафе «Стойло Пегаса», в оживленной беседе они затронули вопрос о засыле людей, которые нигилистически относятся к богатейшему наследию русской культуры и однако берут на себя смелость быть «вершителями судеб» литературы послереволюционной России. Один из

сидевших в зале, сочувствующий Соввласти и РКП(б), некто Марк Родкин, подслушав разговор, громогласно обвинил поэтов в антисемитизме и вызвал милицию, которая забрала их в участок¹³.

Этот инцидент произошел после подписания Лениным составленного Я.Свердловым постановления об антисемитизме, по которому многие были арестованы и расстреляны. Дело об антисемитизме Есенина, Клычкова, Орешина и Ганина обрастало в Москве слухами и сопровождалось клеветническими фельетонами в московских газетах. Поэтов спасло лишь одно обстоятельство: среди них был популярный во всем народе Есенин. Власти ограничились товарищеским судом над четырьмя поэтами да угрозами запретить им заниматься литературной деятельностью... После суда истерзанный травлей Есенин был помещен в больницу. В ноябре 1924 года арестовали Ганина и 30 марта 1925 года расстреляли за руководство «орденом русских фашистов».

Примерно по такому же сценарию, как когда-то в кафе «Стойло Пегаса», разворачивались события в ресторане ЦДЛ в июне 1964 года. Дело грозило обернуться для Н.Рубцова большими неприятностями. Он был вынужден написать заявление с просьбой перевести его на заочное отделение и уехал в Ниолу, к своей дочери.

В январе 1965 года Н.Рубцов был официально переведен на заочное отделение института. Дипломом о высшем образовании он получил в 1969 году, защитив его сборником «Звезда полей».

(Окончание следует)

Примечания

- 1 Коняев Н. Николай Рубцов. М., 2001. С. 11
- 2 Иван Ильин о прошлом и будущем России // День. 1993. №12. Публ. Ю.И.Сохрякова.
- 3 Об этом упоминает Н.Коняев в книге «Николай Рубцов» // М., 2001. С.41.
- 4 Тютчев Ф.И. О вещая душа моя...// Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С.192.
- 5 Глазунов И. Россия распятая.// Наш современник. 1996. №1. С.268.
- 6 Есенин С. Пускай ты выпита другим...// Сергей Есенин. Собр. соч. в 5-ти тт. Т.2. М., 1961. С.137.
- 7 Михайлов И. В «Нарвской заставе» // Воспоминания о Рубцове. Архангельск, 1983. С.85-87.
- 8 Есенин С. Собр. соч. в 5-ти тт. Т.2. М., 1961. С.219.
- 9 Судьба бытия – путь к философии. Интервью Ю.В.Мамлеева // Вопросы философии. 1992. №9. С.80-81.
- 10 Рачков А. Лицом к лицу // Воспоминания о Рубцове. Архангельск, 1983. С.140.
- 11 Коняев Н. Николай Рубцов... С.27.
- 12 Сафонов В. Николай Рубцов. Повесть памяти // Николай Рубцов. Россия, Русь! Храни себя...М., 1992. С.351.
- 13 См. об этом: Белоконов Ан. Дело четырех поэтов // Север.1993. №10. С.120-131.

Юрий Иванович ДЮЖНЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжневым были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

